

Голоса из пыли

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

Эдуард Сероусов

Голоса из пыли

<https://litres.ru/74125123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марс отдал людям гладкий металлический брусок из невозможного, не рождённого в звёздах элемента, и чужой голос с другого конца галактики, звавший на помощь. Человечество ответило единодушным «да» и снарядило корабль по имени «Кассандра». Восемь месяцев пути к умирающему бурому солнцу, шестеро людей в тесной консервной банке, гибнущий прекрасный народ на другом берегу пустоты. Капитан Мартин Реес летит не только ради контакта: на борту его взрослая дочь Ная, и он до сих пор не научился её отпускать. Лингвист Елена Казанцева уже слышит в идеальной мольбе чужую редакторскую руку. Правда шумна и сбивчива. Элегантна только ложь. А у чужого света странная привычка.

Содержание

Часть 1. Первый свет	5
Часть 2. Порог	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эдуард Сероусов

Голоса из пыли

«Они ответили на крик о помощи. Теперь Земле нельзя отвечать никогда».

Часть 1. Первый свет

Часы Сары отставали на минуту в сутки, и Мартин Реес любил их за это больше, чем весь остальной корабль.

Он завёл их, как заводил каждое утро по корабельному времени, — три полных оборота головки, ни больше, — и поднёс к уху. Тихий, неровный ход. Живой звук в машине, где всё остальное считало время без единой ошибки и оттого казалось мёртвым. «Кассандра» знала, который сейчас час, с точностью до доли секунды и никогда в этом не сомневалась. Часы Сары просто шли. Он верил вторым.

Обзорный блистер был единственным местом на корабле, где можно было забыть, что ты внутри корабля. Прозрачный купол вынесли над обшивкой, как каплю на игле, и вокруг не оставалось ничего, кроме черноты и редких колючих звёзд, — ни переборок, ни гула вентиляции, ни запаха регенерированного воздуха, который за восемь месяцев пути вьелся Мартину в самую глотку. Только он, купол и та звезда, к которой они летели.

Сегодня она пересекала порог.

Он видел этот момент двенадцать раз за свою жизнь — двенадцать чужих солнц, к которым его посылали, — и всякий раз он был одинаков и всякий раз другой. Точка среди точек вдруг набирала вес. Переставала быть звездой в каталоге и становилась местом, куда ты идёшь. У этой звезды был

больной, оранжево-бурый цвет, цвет остывающего в горне угля, — свет умирающего светила, растянутый расстоянием в тонкую нить. Красивый, если не знать, что он значит.

За спиной прошипела мембрана люка.

— Ты опять без меня начал, — сказала Ная.

— Я ничего не начал. Смотрел.

Она встала рядом — на полголовы ниже, в том же вытертом лётном комбинезоне, что и он, только на плече у неё, как всегда, висел маленький диктофон на ремешке. Ная тегировала всё. Мир для неё делился на образцы, и у каждого был свой номер. Мартин иногда думал, что это её способ держать вселенную в узде — назвать, значит приручить. У Сары была та же привычка, только Сара называла не образцы, а людей.

— Она ближе, чем вчера, — сказала Ная. — Заметно ближе. Мы почти пришли.

— Восемнадцать суток до выхода на орбиту.

— Восемнадцать суток, — повторила она, и в голосе была не усталость, а нетерпение. Ная ждала этой звезды так, как он в её годы ждал первого назначения. Ей было тридцать один, она была лучшим ксенобиологом из тех, кого он читал, и она была его дочерью, и он до сих пор не научился держать эти три вещи по отдельности.

Они замолчали.

Это не нужно было объявлять. При первом свете новой звезды — десять секунд тишины. Так делала Сара. Она говорила: пока ты не назвал место, у тебя есть десять секунд,

чтобы просто на него посмотреть, ничего от него не хотя. Потом — фраза. Всегда одна.

Мартин считал про себя. На седьмой секунде он поймал себя на том, что смотрит не на звезду, а на отражение Наи в куполе — прозрачный призрак её лица, наложенный на черноту, — и отвёл взгляд.

— Ни один свет не повторяется дважды, — сказали они вместе.

Тихо. Как молитву, в которую уже не веришь, но всё равно произносишь, потому что её произносил кто-то, кого ты любил.

Секунду они стояли просто так.

А потом Ная сказала, не поворачиваясь:

— Ты ведь понимаешь, что тебе здесь нечего делать.

Он не ответил сразу. Он знал этот тон. Он слышал его последние два года всё чаще — с того дня, как её включили в экипаж контакта, а он подал рапорт на ту же миссию.

— Я капитан, — сказал он. — Мне есть что здесь делать.

— Ты подал на эту экспедицию через одиннадцать часов после того, как в списке появилась моя фамилия. Оконкво мне сказал. — Она наконец обернулась. Глаза у неё были Сарины, тёмные и слишком прямые. — Двенадцать полётов, папа. Ты собирался в отставку. Ты сам говорил — «последнее солнце, и на грунт». А потом взял тринадцатое. Скажи мне, что это ради контакта.

— Это крупнейший контакт в истории вида.

— Скажи, что ты полетел ради контакта, — повторила она, тише. — Посмотри на меня и скажи.

Он посмотрел на неё. Открыл рот.

И промолчал.

Это была ошибка, и он понял это в ту же секунду, но исправить уже не мог. Молчание сказало за него всё, что он не хотел говорить: что она права. Что он полетел не за звездой. Что где-то в нём до сих пор жила картинка — Ная одна, за полгалактики, в корабле, который он не ведёт, — и эта картинка была невыносима, невыносимее любой отставки, любого страха, любого чужого солнца.

— Вот, — сказала она без торжества, почти с горечью. — Вот об этом я и говорю.

Она ушла. Мембрана люка вздохнула и сомкнулась.

Восемь месяцев он пытался пробить эту стену и все восемь месяцев пробивал её не в ту сторону. Он приносил ей кофе на вахту — она говорила спасибо и не поднимала глаз от анализов. Он оставлял ей на терминале старые снимки Каллисто, где они втроём, где Саре ещё оставалось четыре года, — Ная смотрела молча и не отвечала. Он один раз попробовал заговорить о матери напрямую, за этим самым столом в кают-компании, и Ная встала и ушла в лабораторию, и он понял, что делает всё наоборот: чем крепче держит, тем дальше она уходит, а он умел только держать. Это была единственная хватка, которой его научила жизнь, — не отпускать, — и он не знал, что бывает другая.

Мартин остался один в куполе, наедине с умирающей звездой цвета остывающего угля. Он поднял руку и посмотрел на часы Сары. Они отставали на минуту в сутки. За восемь месяцев набежало почти четыре часа. Скоро придётся сверять их с корабельными, подводить, красть у мёртвой жены её маленькую честную неточность и заменять её холодным совершенством машины.

Он решил, что подведёт их завтра.

Кают-компания «Кассандры» была тесной даже по меркам исследовательских кораблей — стол на восьмерых, а их было шестеро, — но за восемь месяцев теснота стала привычной, как запах воздуха. Мартин вошёл, когда ужин уже начался, и по одному тому, кто где сидел, прочитал весь корабль.

Оконкво — во главе разговора, руки в воздухе, лицо горит. Первый помощник умел говорить так, что люди начинали кивать раньше, чем понимали, с чем соглашаются. Мила Санторо — бортинженер, — сидела вполоборота, в одном ухе наушник, и Мартин знал, что там: голосовые от семьи, старые, переслушанные по сто раз, дочкин голос и жена, которая просит купить что-то на обратном пути. Мила слушала их, как другие пьют. И Елена Казанцева — в дальнем углу, отдельно, с раскрытым перед собой блокнотом-терминалом, который она принципиально не подключала к корабельной сети. Лингвист ела левой рукой, а правой что-то помечала в

своих офлайн-записях, и на общий стол смотрела так, будто он был на другом берегу. А шестой — механик Пак — сидел с самого края, тихий до незаметности, и ел молча; Мартин иногда ловил себя на том, что забывает о нём, пока на корабле что-нибудь не сломается, и всякий раз чувствовал за это смутную вину.

— ...и вот что я вам скажу, — говорил Оконкво. — За всю историю нам ни разу не дали шанса спасти кого-то, кроме себя. Ни разу. Мы летали смотреть. Собирали образцы. Ставить флажки. А тут — целый народ, который умирает под погасшей звездой, и они просят нас — нас! — протянуть руку. Как отказаться и остаться людьми?

— Никак, — сказала Мила, не вынимая наушника. — Поэтому мы и летим восемь месяцев жрать переработанный воздух. Я в курсе, Дэвид. Я была на голосовании.

— Ты была на голосовании, но ты не веришь.

— Я верю в давление в отсеках и в то, что до дома семь месяцев. Остальное — по прибытии. — Она наконец повернулась к Мартину. — Капитан. Реактор в норме, вода в норме, Санторо голодная. Доклад окончен.

Мартин сел. Кто-то передал ему тарелку.

За восемь месяцев у них завёлся свой уклад, мелкий и цепкий, каким всегда обрастают люди, запертые в консервной банке. По вторникам Мила варила настоящий кофе из личного пайка и продавала его за услуги — почини, подмени, промолчи. Оконкво по вечерам читал вслух, и хотя чи-

тал он что попало, от инструкций до старых стихов, слушать приходили все, потому что голос у него был из тех, за которыми хочется идти. Даже Елена выходила из своего угла и садилась поодаль, делая вид, что просто оказалась рядом. Мартин знал имена родных у каждого. Знал, что у Милы дочери девять и что она боится вернуться к чужому подростку. Знал, что Оконкво не женат и что жетон на его шее — не воинский. Он вёл этот корабль тринадцатый раз в жизни и давно понял, что ведёт не корабль, а шестерых людей, которые притворяются, будто не боятся, — и делают это друг для друга.

— Елена, — сказал он через стол. — Ты сегодня молчаливее обычного.

Лингвист подняла голову. У неё было узкое, усталое лицо человека, который спит меньше, чем следует, и знает об этом.

— Я думала про название, — сказала она.

— Про какое название?

— Корабля. — Она обвела рукой переборку, словно там было написано имя. — «Кассандра». Кто-то из комитета решил, что это красиво. Дочь троянского царя, которой Аполлон дал дар пророчества. — Она сделала паузу. — И проклятие. Её пророчества всегда сбывались, и ей никогда не верили. Она предсказала падение Трои. Её заперли как безумную. Троя пала.

За столом стало тише.

— Мрачновато для флагмана надежды, — сказал Оконкво, но уже без прежнего огня.

— Мрачно, — согласилась Елена. — Кто-то не расслышал иронии. — Она вернулась к своему блокноту. — Я расслышала.

Мартин ел и смотрел на них — на верующего и на неверующую, на женщину, слушающую голоса из дома, и на женщину, считающую что-то в офлайн-блокноте, — и думал, что тесный экипаж на подлёте к чужому солнцу похож на семью за столом ровно тем, чего никто не произносит вслух. Все всё знают друг о друге. Просто молчат.

Наи за столом не было. Она ужинала в лаборатории, как всегда в последние дни. Мартин это заметил и ничего не сказал.

Он не любил вспоминать, как всё началось. Не потому, что забыл, — потому что помнил слишком хорошо, и в этой памяти была его собственная тень.

Монолит вырубili из красной породы в нехоженной части Марса — гладкий брусок металла в толще осадочной равнины, там, где никакого металла быть не могло. Когда его подняли на орбиту и просветили, спектрометры сошли с ума: элемент, которого не было в таблице. Позже физики уточнили — не «не было», а не могло существовать в природе: сверхтяжёлый, с того самого «острова стабильности», который сто лет предсказывали и никогда не находили. Такое не

рождается в звёздах. Такое делают.

Это была первая аномалия, и Мартин, когда читал сводки, помнил, что она его насторожила. Кто-то изготовил брусок из невозможного элемента и закопал его на Марсе. Насторожила — и прошла. Потому что дальше монолит ожил.

Он завибрировал. Не хаотично — строгой, повторяющейся последовательностью, будто отсчитывал что-то. Елена Казанцева, тогда ещё просто имя в списке подрядчиков, построила алгоритм и вытащила из шума язык. Координаты далёкой системы. И под ними — мольбу. Мир под остывающей звездой, гибнущий народ, просьба о спасении, сформулированная так, что у слушающих перехватывало дыхание.

Планета содрогнулась от восторга. Не одна страна — вид. Мы не одни. И мы достаточно велики, чтобы протянуть руку тем, кто зовёт. Это было лучшее, что человечество узнало о себе за всю свою историю, — что на первый в жизни настоящий крик о помощи оно ответило «да».

Мартин помнил и это. И помнил, как на закрытом брифинге, ещё до голосования, Ная — уже тогда в группе экзoанализа — вывела на экран разрез марсианского грунта, слой за слоем, и сказала спокойным лекторским голосом:

— Проблема в датировке. Монолит лежал под этими осадками. Считаю по темпу отложения — он там больше миллиона лет. Кто бы его ни оставил, он оставил его до того, как на Земле появился человек. — Она обвела зал взглядом. — Так что вопрос не только «кто зовёт». Вопрос — «как это

сюда попало», если те, кто зовёт, до сих пор ждут спасения.

Ей задали два вопроса и перешли к следующему пункту. Пророчество, отравляющее праздник, никому не было нужно. Мартин тогда сидел в третьем ряду и молчал — как молчал теперь в блистере, — и то молчание он оправдывал тем, что не его дело спорить с комитетом. Но была и другая причина, честнее. Он молчал, потому что «да» означало экспедицию, а экспедиция означала Наю, а Ная означала, что у него есть повод не оставаться на грунте одному в пустом доме, где на каминной полке стоят часы, которые он так и не научился не заводить.

Проголосовали. Полетели. Корабль назвали «Кассандрой».

И только у самого чужого солнца, восемь месяцев спустя, Мартин впервые позволил себе додумать вопрос дочери до конца. Как брусочек с того берега галактики оказался в марсианской глине, если те, кто его послал, не умеют летать настолько, чтобы спастись самим?

Он не знал ответа. Он записал вопрос в судовой журнал и — впервые за тринадцать полётов — не показал запись никому.

За двое суток до выхода на орбиту планета Плакальщиков всплыла в главный иллюминатор мостика, и весь экипаж, не сговариваясь, собрался посмотреть.

Она была прекрасна.

Мартин ждал разорённого мира — выжженной коры, ледяных пустошей, всего того, чем оборачивается остывшая звезда. Но планета под бурым солнцем светилась мягким жемчужным светом, в разрывах облаков вспыхивала зелень и вода, а по ночной стороне тянулись цепочки огней — города, живые, тёплые. Обречённость и красота держались в этом мире вместе, как держатся они в лице человека, который знает, что болен, и оттого улыбается острее.

— Господи, — выдохнула Мила. Наушник впервые за вечер был вынут. — Она же... живая. Смотрите, сколько огней.

— Они умирают медленно, — сказал Оконкво, и голос у него дрогнул. — Целыми поколениями. Знаете, что это значит? Что там сейчас есть дети, которые родятся и умрут под звездой, которая гаснет у них на глазах. И мы можем вывезти хотя бы часть. Часть! — Он повернулся к Мартину, и в глазах у него стояли слёзы, и он их не стыдился. — Капитан. Мы правильно сделали, что полетели.

Ная стояла у самого стекла, прижав ладонь к холодной поверхности, и Мартин видел её лицо в отражении — открытое, сияющее, лицо человека, который наконец нашёл то, ради чего учился всю жизнь. Ему захотелось подойти и встать рядом. Он не подошёл. После блистера между ними стояло его молчание.

И только одна из них не смотрела на планету.

Елена Казанцева стояла в стороне, у навигационного пульта, и смотрела не в иллюминатор, а в свой офлайн-блок-

нот, где светился текст перевода — той самой мольбы, что подняла на ноги целый вид. Лицо у неё было не восхищённое. Оно было холодное, как у человека, которому что-то не даёт покоя и который не может понять что.

Мартин подошёл к ней.

— Ты единственная тут не смотришь на самое красивое, что мы видели за восемь месяцев.

— Я смотрю на самое красивое, что я перевела за всю жизнь, — сказала она, не поднимая глаз. — И меня это пугает.

— Объясни.

Она наконец повернула к нему экран. Строки чужого языка, а рядом — её перевод, выверенный, отшлифованный, бьющий прямо в грудь.

— Двадцать лет я перевожу мёртвые языки и живые сигналы, — сказала она тихо. — И я вам скажу, как звучит настоящее отчаяние. Оно звучит плохо. Оно сбивчивое, оно повторяется, оно противоречит само себе, в нём половина слов лишних и половины нужных не хватает. Человек, который тонет, не строит красивых фраз. — Она постучала ногтем по экрану. — А это — идеально. Оно бьёт по всем струнам разом. По жалости. По гордости. По одиночеству. По желанию быть хорошим. Ни одной фальшивой ноты, капитан. Ни одной. — Она подняла на него глаза, и в них был не страх безумца, а трезвый, тяжёлый испуг профессионала. — Настоящее отчаяние так не выглядит. Это отредактировано.

Под нас.

За их спинами Оконкво что-то говорил про детей под гаснущим солнцем, и Мила смеялась, и Ная прижимала ладонь к стеклу, за которым плыл прекрасный обречённый мир.

— Ты говорила это комитету, — сказал Мартин.

— Говорила.

— И?

— И мы летим, — сказала Елена Казанцева и закрыла блокнот. — На корабле по имени «Кассандра».

Часть 2. Порог

Плакальщиков было не разглядеть без того, чтобы они на тебя не смотрели в ответ.

Елена поняла это в первую же минуту, когда посадочный модуль раскрыл люк и в проём хлынул свет — тёплый, золотой, ниоткуда. Их встречали в огромном зале с высокими сводами, стены которого мерцали, как перламутр раковины, и в этом зале стояли они — высокие, стройные, гуманоидные ровно настолько, чтобы сердце отзывалось, и чуждые ровно настолько, чтобы это отзывалось восторгом, а не страхом. Кожа их отливала опалом. Черты были подвижны и мягки, и когда один из них шагнул навстречу, раскрыв длинные руки, Елена почувствовала, как у неё самой сжалось горло, — будто навстречу вышел не чужой, а кто-то давно и болезненно родной.

Экипаж потом назовёт их Плакальщиками. За скорбь, которая шла от них, как тепло от печи. За то, как они склоняли головы, встречая гостей, — будто оплакивали и благодарили одновременно.

— Вы пришли, — сказал тот, что вышел вперёд.

Голос не шёл из его рта. Он возникал прямо в голове — не как вторжение, а как узнавание, как если бы ты сам подумал эти слова, только чужим, светлым голосом. Позже экипаж станет звать этого Плакальщика Вестником, потому что

говорил он за всех.

— Вы пришли, — повторил Вестник, и в этих двух словах была вся благодарность мира. — Мы звали так долго. Мы почти перестали верить. А потом — вы. Мы знали. Мы знали, что придёт кто-то добрый.

Оконкво плакал, не скрываясь. Мила стояла с открытым ртом. Даже Мартин — Елена покосилась на капитана — даже Мартин, человек-инструкция, стоял неподвижно, и по его лицу было видно, что светлый голос достал и до него.

Достал он и до Елены.

Вестник повёл их дальше — по залам, которые словно вырастали навстречу, — и показывал. Не хвастал, а именно показывал, тихо, с той же скорбью. Он раскрыл над их головами небо своего мира: остывающее солнце, огромное, бурое, занявшее полгоризонта, и под ним — поля, тронутые холодом на краях, реки, которым осталось недолго. Он показал колыбели, где спали дети его народа, — и Елена почувствовала, как весь экипаж вокруг неё подался вперёд, как единое тело. «Каждое поколение рождается под солнцем всё более тусклым, — говорил светлый голос, и в нём не было упрёка, только усталая любовь. — Мы научились не пугать их. Мы поём им, что свет вечен. Мы лжём им из милосердия. А теперь пришли вы — и, может быть, нам не придётся больше лгать». Оконкво издал звук, будто его ударили. Даже Мила отвернулась, чтобы никто не видел её лица. Это было безупречно. Это было в самую точку, где у человека живёт

всё лучшее и всё самое незащищенное сразу, — и именно безупречность и была тем, от чего у Елены холодела спина, потому что она уже слышала однажды нечто настолько же гладкое и настолько же ложное, только тогда это стоило одиннадцати жизней, а не одной планеты.

И именно поэтому она сделала то, что делала всегда, когда что-то было слишком хорошо. Она отступила на шаг, вынула из кармана свой офлайнный блокнот и стала записывать. Не слова Вестника — она записывала свои реакции. «Горло сжалось на слове „пришли“. Ощущение родства — немедленное, до анализа. Голос обходит слух, идёт прямо в лимбику». Она вела этот протокол, как хирург ведёт руку по разрезу: не чувствуя, а наблюдая за тем, как чувствует.

Потому что двадцать лет назад она уже один раз доверилась тому, что было слишком хорошо. И считала мёртвых до сих пор. По именам.

И потому — пока восторг заливал остальных — она смотрела не на Плакальщиков, а на мелочи. Такая уж выучка: когда чувству нельзя верить, веришь тому, что не умеет чувствовать. Свет в зале был золотой, ровный и шёл ниоткуда — она честно поискала источник и не нашла. Это само по себе ничего не значило, скрытые панели, рассеиватели. Но было и второе, помельче, и оно засело занозой. При таком свете люди отбрасывали слабые, размытые тени — она видела собственную у ног, серую кляксу на перламутре. А Плакальщики теней не отбрасывали. Совсем. И ещё: пол под ними

блестел, как влажная раковина, и в нём отражался потолок, отражалась стоящая рядом Мила, отражалась сама Елена — а высокие опаловые фигуры в этом зеркале не стояли. Пол под их ногами был пуст.

Она записала это ровным почерком, не понимая, что записывает. «Свет без источника. Не отбрасывают тени. Не отражаются в полу». Три строки, три мелочи, которым она не могла найти места. Разум подсунул ей десяток удобных объяснений — усталость глаз, чужая оптика, необычный материал кожи, — и она честно записала и их тоже, отдельным столбцом, потому что удобным объяснениям она доверяла ещё меньше, чем неудобным вопросам. А потом закрыла блокнот. Заноза осталась. Она не знала ещё, что держит в руках единственный ключ ко всему, — что там, где восприятие лжёт, простая тупая материя, зеркало и тень, говорит правду тому, кто удосужится посмотреть. Она просто записала и пошла дальше, как все.

Она носила этот список с собой. Не на терминале — на бумаге, потому что бумагу нельзя переписать удалённо. Одиннадцать имён. Экипаж исследовательского бота «Гесиод», которых она в своё время убедила, что перевела верно.

Тогда, двадцать лет назад, она была молода и блестяща и получила запись — сигнал с автоматической станции у газового гиганта, где что-то пошло не так. Помехи, обрывки, паника в эфире. Елена вычистила шум, достроила смысл, вы-

дала комитету гладкий, связный перевод: станция стабильна, экипаж «Гесиода» может подходить к стыковке. Это было красиво. Это было убедительно. И это было неправдой — потому что настоящий сигнал был сбивчивым и рваным именно потому, что станция как раз разваливалась, и в рванине эфира кричало предупреждение, которое она приняла за помеху и вычистила своими руками.

Одиннадцать человек. Она достроила им смысл, которого не было, потому что достроенный смысл был элегантнее правды.

Комиссия её оправдала. Это было хуже всего. Ей объяснили, что помехи были объективно тяжёлыми, что любой специалист на её месте, что вины её формально нет. Её оправдали и оставили в профессии, и первые годы она думала, что это милосердие, а потом поняла, что это приговор: её отпустили жить дальше с одиннадцатью именами и без права даже назвать себя виновной. Она нашла старую запись стыковки, ту самую, и слушала её потом много раз, до самого утра, снова и снова, — рваный, задыхающийся сигнал, в котором теперь, зная финал, она отчётливо слышала слово, которое тогда вычистила как шум. «Назад». Просто «назад», повторённое трижды, тонущее в треске. Она вычистила его, потому что оно ломало красивую фразу. С тех пор она не подключала анализ к сети — не из паранойи, как думал экипаж, а потому что сеть подсказывает, дополняет, приглашает, а она поклялась больше никогда ничего не приглаши-

вать. Только сырое. Только то, что есть.

С тех пор у неё было кредо, и она повторяла его себе, как другие повторяют молитву:

Правда шумна. Элегантна только ложь.

Она подняла глаза от списка. Вестник как раз говорил о сделке — и говорил её так просто, так разумно, что она ложилась в душу сама, без усилия.

— Вам нужны звёзды, — говорил светлый голос, обращаясь ко всем сразу. — Пути между ними. Мы не умеем их строить — мы народ, приросший к одному умирающему очагу. Но мы умеем многое, чего не умеете вы: врачевание, вещество, свет. Дайте нам уйти с вами. Дайте части нашего народа место среди звёзд — а мы отдадим вам всё, что знаем. Это не плата. Это благодарность. Разве спасённый не отдаёт спасителю всё?

— Что вам нужно от нас, чтобы вывезти людей? — спросил Оконкво, и Елена отметила это «людей» — он уже говорил о них как о своих.

— Немного, — сказал Вестник. — Ваши корабли знают дорогу. Карту обитаемых мест. Куда лететь, где жизнь, где нас примут. Мы слепы — мы никогда не покидали свой очаг. Покажите нам небо, каким вы его знаете, — и мы доверимся вам целиком.

Вот тут Елена подняла голову.

Карту обитаемых мест. Навигационные банки «Кассандры» несли именно это — сводный ценз всего, что челове-

ство нанесло на звёздные карты за два века: где какая жизнь, где какие миры, координаты каждой обитаемой системы, до которой дотянулась хотя бы автоматическая станция. Это было главное сокровище на борту, ценнее реактора, ценнее людей. И умирающий народ, который не умеет летать, первым делом просил именно его.

— Я хочу возразить, — сказала Елена вслух.

Совещание держали в модуле, за закрытым люком, и это было единственное место, где Плакальщики их не слышали, — или где Елена позволяла себе верить, что не слышали.

— Я против передачи навигационных данных, — сказала она. — В любом объёме. Сейчас, до любого обмена.

— На каком основании? — Оконкво даже не рассердился, он смотрел на неё почти жалостливо, как на человека, который портит другим праздник и сам от этого страдает.

— На основании перевода. — Она положила блокнот на стол. — Я вскрывала это послание слой за слоем. Верхний — мольба. Идеальная, я вам уже говорила почему. Но я не закончила. Под ней что-то есть. Структура, которую я ещё не прочла, но чувствую её вес. И пока я её не прочту, отдавать этим существам карту нашей галактики — это как отдать незнакомцу на улице ключи от дома, потому что он красиво плачет.

— Они не незнакомцы на улице, — сказал Оконкво тихо. — Они умирающий народ. И каждый день, что мы спорим,

кто-то из них умирает под этой звездой, пока мы бережём наши драгоценные координаты. — Он повернулся к Мартину. — Капитан. Я однажды опоздал спасти человека. Одного. Я знаю, как это — стоять и осторожничать, пока время уходит. Больше я так не могу. Если мы прилетели за полгаллактики сказать «сначала докажите, что вы не опасны», то мы прилетели зря, и мы не те, кем себя считаем.

Все посмотрели на Мартина.

Елена смотрела тоже — и впервые за восемь месяцев по-настоящему на него смотрела. Старейший человек с прямой спиной, с механическими часами на запястье, капитан, которого она уважала за то, что он не любил громких слов. Она ждала, что он спросит. Что он, как всегда, потянет время, запросит данные, отложит решение. Осторожный человек. Ей нужен был сейчас осторожный человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.